древней Индии, ведущимся в Индийском кабинете ЛО ИВ. Работа ведется в области истории культуры, филологии и лингвистики.

К. А. Попов (Москва) сообщил о работе японистов Москвы и Ленинграда, занимающихся вопросами культуры, филологии, лингвистики, истории, литературы древней Японии. Выступавший указал на отсутствие координации в работе между московской и ленинградской группами японистов.

И. М. Дьяконов (Ленинград) отметил экспериментальные работы, проводимые по дешифровке протоиндийской письменности группой Ю. В. Кнорозова в Институте этнографии (Ленинград).

С информацией о древневосточных исследованиях в Германской Демократической Республике выступил *Х. Кленгель*. Изучением древнего Востока занимаются в Берлине (Переднеазиатский музей, Институт востоковедения), в Лейпциге, Иене, Галле.

Г. М. Бонгард-Левин (Москва) указал на высокий научный уровень сессии и отличную работу Оргкомитета и внес предложение строить работу следующей сессии по нескольким, ранее объявленным генеральным темам.

Э. А. Грантовский (Москва) остановился подробнее на работе Отдела древнего Востока ИВ.

На пленарном заседании была принята развернутая *резолюция*, содержащая как ряд постановлений сессии, так и обращения к иным организациям. Сессия постановила избрать свой Постоянный организационный комитет для подготовки следующих сессий и координационной работы между ними. В состав Постоянного Оргкомитета были избраны: М. А. Коростовцев (председатель), Н. В. Пигулевская, Б. Б. Пиотровский, М. А. Дандамаев (ответственный секретарь), Г. М. Бонгард-Левин (ответственный секретарь), И. М. Дьяконов, Г. А. Меликишвили, И. Г. Алиев, Г. Х. Саркисян, Г. А. Тирацян, Ю. Б. Юсифов, Г. Г. Гиоргадзе, Н. М. Постовская.

Следующую сессию было решено созвать в 1971 г., а до тех пор в порядке подготовки к V Международному конгрессу историков-экономистов провести две небольшие тематические сессии — «Международная торговля, кредит и деньги на древнем Ближнем Востоке» и «Городская община на древнем Ближнем Востоке: общественное бытие и общественное сознание».

В резолюции сессии отмечено глубокое удовлетворение всех ее участников в связи с плодотворным участием в сессии ученых Германской Демократической Республики и выражается надежда на широкое участие ученых социалистических стран в работе дальнейших сессий по древнему Востоку.

Среди принятых сессией обращений было обращение к Комитету по делам печати при Совете Министров СССР и Президиуму АН СССР относительно мер по улучшению издания древневосточных исследований, а также приводимое ниже полностью обращение к академиям наук союзных республик, в котором участники сессии отметили:

«а) что перед сравнительно немногочисленным отрядом советских специалистов по древнему Востоку стоит задача изучения всего исторического процесса (социально-экономической истории, истории культуры, языков и письменности) на столь же обширной территории стран Азии и Африки, как и перед специалистами по средневековому и современному Востоку; б) что при этом по количеству источников древний Восток часто представлен значительно обильнее, чем более поздние эпохи истории Азии и Африки, а количество наличных научных кадров по древнему Востоку во много раз меньше, чем изучающих любую более позднюю эпоху; в) что общеисторическими проблемами занимаются сейчас почти исключительно специалисты Москвы и Ленинграда и лишь в исключительных случаях — высококвалифицированные специалисты союзных республик; г) что в условиях ограниченности наличных кадров и при постоянных больших запросах научной общественности в области информации по проблемам всеобщей истории древнего мира, археологических открытий, теории и практики дешифровки древних письменностей и т. п. наблюдаются случаи (как в центре, так и в союзных республиках), когда за выполнение сложных научных и научно-пропагандистских задач берутся люди, не обладающие нужной квалификацией.

Учитывая эти обстоятельства, сессия единодушно находит, что стоящие перед советской наукой задачи изучения всемирно-исторического процесса и всеобщих явлений развития культуры и языка уже не могут сколько-нибудь успешно разрабатываться и решаться в области древнего Востока силами одних только специалистов Москвы и Ленинграда; по ряду конкретных тем уже сейчас им необходимы помощь и содействие со стороны некоторых из тех высококвалифицированных специалистов, которые имеются в союзных республиках. При этом, в соответствии с неоднократными указаниями классиков марксизма-ленинизма, без понимания всемирно-исторического процесса невозможно правильно понять и оценить также и процессы национальной истории каждого отдельного народа».

Перечень отдельных тем, по которым специалистам Москвы и Ленинграда, работающим в области изучения древнего Востока, нужна помощь со стороны сотрудников отдельных институтов академий наук союзных республик, в подлиннике приложен к резолюции. Перечень подготовлен Постоянным Оргкомитетом на основании данных, поступивших от различных научных учреждений Союза.

Предполагается, что планирование подобных тем будет происходить в порядке координации с Институтом востоковедения АН СССР и его Ленинградским отделением, как с головными институтами по изучению соответственно истории и языков Востока и его культуры, а также по согласованию с Постоянным Оргкомитетом сессий по древнему Востоку как несущим функцию взаимной информации специалистов о ведущихся в этой области работах.

Е. С. Богословский, К. В. Васильев, Я. В. Васильков, Г. Г. Гиоргадзе, И. Т. Канева, В. А. Лившиц, И. Ш. Шифман, В. А. Якобсон

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ АНТИЧНОСТИ

27—30 мая 1968 г. в Москве состоялась конференция по проблемам античности. Решение о регулярном (раз в два года) проведении таких конференций было принято на последней авторско-читательской конференции ВДИ[1] в 1966 г. Во исполнение этого решения советские ученые-антиковеды и собрались в мае 1968 г. для обсуждения нескольких научных проблем. В работах конференции приняли участие около 170 человек из 25 городов Советского Союза. Предложенные для обсуждения проблемы, как указал открывший конференцию *С. Л. Утченко*, были избраны не случайно, но (по крайней мере, три из четырех) в соответствии с предполагаемой программой работ Международного конгресса историков, который намечено провести в 1970 г. в Москве.

Эти проблемы были сформулированы так: *1*) социальная структура стран Средиземноморья в античную эпоху; *2*) политическое равновесие и международные связи в античном мире; *3*) варварский мир, его роль в развитии и крушении античного общества; *4*) эпоха, культура, стиль.

Для каждой проблемы был предусмотрен один основной доклад и несколько дополнительных, посвященных частным вопросам.

Перегруженность конференции докладами (от 5 до 11 по каждой теме) потребовала жестко регламентировать ее работу. Время для докладов и выступлений было ограничено. Для прений было отведено время после прочтения предусмотренных программой для каждой темы докладов.

Обсуждение первой проблемы (на двух заседаниях 27 мая) началось докладом *С. Л. Утченко* (Москва) «О социальной структуре античного общества». Докладчик подчеркнул, что при постановке вопроса о социальной структуре общества решающее значение для всякого марксистски мыслящего историка имеет вопрос о классовом членении этого общества. Еще сами древние признавали наличие социального неравенства, наличие социальных групп и рангов, но, конечно, современное представление о классах им было недоступно. Какова фактическая картина социальных отношений и связей в античном мире? — спрашивает докладчик. Несомненно, замечает он, приходится говорить о чрезвычайной сложности, неоднородности и пестроте этих отношений. Поэтому необходимо прежде всего отказаться от представления об античном обществе как о «сколке» с модели классического капиталистического общества с его четко оформленными и поляризовавшимися классами, с его обязательным наличием двух основных антагонистических классов, да еще обладающих общеклассовыми интересами и идеологией. Классы в античном обществе, разумеется, существовали, но развитие частнособственнических отношений здесь никогда не достигает такой степени, чтобы мог учитываться только экономический признак и игнорироваться правовой и традиционный. Поэтому юридические барьеры имеют большое значение, и процесс классообразования не доходит до своего «логического конца», т. е. не приводит к созданию «чистых»,— по терминологии В. И. Ленина, «бессословных» классов[2].

В докладе *Т. Д. Златковской* (Москва) «К вопросу о структуре фракийского общества в VII—V вв. до н. э.» речь шла о формах эксплуатации в Одрисском царстве — одном из наиболее ранних государственных образований у фракийских племен в северной части Балканского полуострова. В раннеклассовом фракийском обществе формы эксплуатации были многочисленны: *1*) эксплуатация свободных крестьян-общинников царем, аристократией и парадинастами — заключалась в аппроприации прибавочного продукта в виде натуральных поставок и, возможно, отработок. В этой форме эксплуатации можно усматривать тенденцию к развитию протофеодальных отношений; *2*) рабство — было ограничено малочисленностью рабов (чаще всего прода-

---

[1] См. ВДИ, 1966, № 4, стр. 224.

[2] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311, прим.

вавшихся за границу) и узостью сферы применения их труда внутри страны (главным образом прислуга у знати); *3*) прочие формы эксплуатации (нам известны не все) были вариантами илотии. Сельское хозяйство — основная отрасль производства во Фракии — основывалось на труде свободных земледельцев. Итак, в период становления раннеклассовых отношений во Фракии государство было орудием эксплуатации свободных крестьян правящей верхушкой общества. Лишь дальнейший ход исторического развития, включавший Фракию в систему рабовладельческих империй, существенно изменил складывавшиеся здесь отношения, придав большой вес рабовладению.

Доклад *И. П. Вейнберга* (Даугавпилс) «Жреческое землевладение по данным ветхозаветных материалов VI—IV вв. до н. э.» был посвящен малоизученному вопросу. Источники, показывает докладчик, говорят о стремлении жреческих коллективов вернуться на те места, где до 597—586 гг. до н. э. обитали их предки и где, следовательно, у них была связь с землей. В первой половине I тыс. до н. э. жрецы (священники и левиты) имели в «левитских городах» (и вне их) земли на правах *ʾăхузā* или *нахăлā* (то и другое — родовые земли, в принципе неотчуждаемые и перераспределяемые лишь внутри рода). Землями, впрочем, владели не все жрецы. В VI—IV вв. до н. э. *сāде* (поля) и *хāсēр* (специфические скотоводческо-земледельческие хозяйства) жрецов по-прежнему были *ʾăхузā* или *нахăлā* жреческих коллективов. Смысл этих терминов не изменился. Различий в правовом статусе жрецов и нежрецов в VI—IV вв. не было, и можно думать, что такие земельные отношения были свойственны гражданско-храмовой общине Иудеи VI—IV вв. до н. э.

Ф. М. Нечай (Минск), выступивший с докладом «О патрициях и плебеях в ранний период Римской республики», связывает сословное деление римлян с распадом родоплеменного строя и образованием частной собственности на землю. «Поголовная воинская повинность патрициев... являлась бременем, добровольно возложенным этим классом на свои плечи. Это была форма вооруженной защиты сословием богатых своих имущественных интересов»[3]. Патрициев было не более 19,5 тыс. чел. (65 родов в консульских фастах, до 300 чел. в роде — Фабии в 479 г. до н. э.) или 1/4 свободных римлян (по цензу Сервия Туллия). Остальные (плебеи) делились на группы, определявшие их место в войске и политические права. «Отсутствие прямого избирательного права и введение принципа группового избирательного права в соответствии с имущественным положением членов группы» стало основой «механики голосования в комициях». Итак, экономическая неоднородность крестьянства обусловила 200-летнюю «диктатуру патрициев», как ее называет докладчик.

Л. М. Глускина (Ленинград) в докладе «О некоторых аспектах кризиса Афинского государства в IV в. до н. э.» основное внимание уделила специфическим, характерным для Афин чертам кризиса полиса. Эти особенности были связаны с местом метеков в афинском обществе. Кризис здесь проявлялся не только в изменениях экономического и социального облика гражданского населения, но и в значительном увеличении роли свободных неграждан в различных областях экономики. Неграждане все больше проникали в сферу земледелия, в ряд отраслей ремесленного производства (в частности, государственное строительство) и особенно в область денежных сделок. Преобладание неграждан среди трапезитов IV в. углубляло противоречие между возрастанием их роли в экономической жизни и ограничением их деятельности (отсутствие возможности давать взаймы под залог недвижимости). Проникновение метеков и отпущенников во все поры афинской экономики приводило к развитию социальных связей с соответствующими группами граждан. Это противоречило полисным принципам исключительности, тормозящая роль которых выступала все сильней в различных областях жизни государства.

Доклад *И. Ш. Шифмана* (Ленинград) был озаглавлен «Социальная стратификация сирийского общества эллинистическо-римского времени». В основу классификации докладчик кладет три признака: личный, экономический и гражданский статус. В эллинистический период общество делилось (соответственно делению территории) на две основные группы: лиц, подчиненных юрисдикции городов (граждане и неграждане), и λαοί, населявших царские земли (свободных и зависимых). В городах греческого и местного происхождения складывается одинаковая организация (суверенный гражданский коллектив, частнособственнические отношения, социальная дифференциация). Зарождавшийся царский суверенитет над городом представлялся формальным союзом и отношениями «преданности». Царская территория — объект прямого царского суверенитета (здесь существовала царская и частная земельная собственность, жалованное и условное землевладение, личная зависимость от царя и других лиц). В римский период в городах отчетливее различаются местная аристократия и рядовые граждане. В I в. появляется патронат. Рабы — объект сделок и эксплуатации. Суверенитет императора над городом приобретает ясные очертания (при сохранении традиции городского суверенитета). На императорских землях противостоят друг другу крупное и мелкое землевладения (условное владение превращается в частную собственность),

[3] Все цитаты приводятся по представленным докладчиками текстам докладов или по стенограмме заседаний конференции.

рост влияния ветеранов. Эллинистическо-римский период развивает тенденции как принесенные греками, так и тенденции внутреннего развития самого сирийского общества.

И. С. Свенцицкая (Москва) прочла доклад «Разрушение гражданского коллектива и полисной собственности в городах провинции». В эллинистическом полисе, который римляне застали в Малой Азии, говорит докладчик, основной связью между гражданами были права, связанные с землевладением и землепользованием. С нарушением замкнутости гражданского коллектива в период Империи (когда можно было получить гражданство и даже должности одновременно в разных городах) право владения землей теряет связь с правом гражданства. Общественные (и храмовые) фонды городов сокращаются. Жители городов приобретают землю в деревнях и даже туда переселяются (во всяком случае с III в. до н. э.), занимая там должности. Город утрачивает черты не только политической, но и экономической организации, превращаясь в административный только центр внутри бюрократического государства.

Р. Е. Ляст (Уфа) в докладе «Организация и состав профессиональных корпораций в Остии во II в. н. э.» отмечает особую (квази-военную) организацию корпорации коллегии плотников и показывает разницу в составе и положении различных коллегий. Корпорации, связанные преимущественно с портовыми службами, имели влиятельных патронов — всадников и даже сенаторов — и состояли в большей части из отпущенников, входивших в фамилии патронов — всадников и магистров корпораций. Небольшую долю членов составляли отпущенники императоров и иногда бывшие общественные рабы Остии. Должностные лица этих коллегий и патроны-всадники были экономически связаны с патронами-сенаторами (наместниками провинций). Коллегии чисто ремесленные (фуллоны, строители, плотники) таких патронов, как правило, не имели. Большие группы отпущенников одной фамилии в них не встречаются.

А. Р. Корсунский (Москва) выступил с докладом «О мелкой земельной собственности в западных провинциях поздней Римской империи». Не располагая источниками о соотношении разных категорий земельных собственников, можно установить, считает докладчик, лишь некоторые общие тенденции развития: рост крупного сенаторского землевладения, упадок городской куриальной собственности, сохранение мелкой земельной собственности. Процесс развития был противоречивым: наряду с концентрацией земель в руках магнатов и фиска, шло пополнение слоя мелких собственников обедневшими городскими землевладельцами, ветеранами, отпущенниками. В мало романизованных областях сохранялось свободное общинное крестьянство. Сокращение товарно-денежного хозяйства в IV—V вв. затормаживало разорение мелкого хозяйства. Несмотря на сближение положения свободных крестьян, колонов и сервов, различия (и правовые и экономические) оставались существенными. Юридический статус мелких собственников, в свою очередь, был неодинаков. В Римской империи не было единого крестьянского сословия.

А. И. Павловская (Москва) в докладе «Социальная структура сельских поселений Фаюма в начале IV в. н. э.» сопоставила данные о двух комах: процветающей (Каранис) и запустевшей (Теадельфия). Социальный состав последней однороднее (небогатые земледельцы, но в документах есть следы социально-правового неравенства). Бесстыдный староста комы владеет земельными участками, большим стадом, распоряжается значительными суммами. Структура процветающей комы сложнее. Состав ее жителей подвижен. Землевладельцы делятся на πολῖται (их отличают налоговые привилегии) и κωμῆται. Среди кометов выделяется влиятельная верхушка, принадлежность к которой определяется не только имущественным положением, но и связями с административным имперским аппаратом и традициями комы. В обеих комах юридически однородные кометы делятся на два слоя: мелких землевладельцев и прослойку, которую можно отнести к средним слоям населения. Но по отношению к средствам производства эта прослойка неоднородна. Сделанные наблюдения, отмечает докладчик, не могут рассматриваться как характеризующие специфику классовых отношений всей страны и эпохи.

В докладе *Н. Х. Юдикиса* (Вологда) «Некоторые вопросы процесса закрепощения колонов в IV—V веках по юридическим памятникам» сделана попытка показать, как правительство Империи в законодательстве реагировало на ход классовой борьбы. Основными проблемами были дефицит рабочей силы и массовое бегство колонов. Закон о прикреплении колонов к земле, изданный (в 332 г.) для всех провинций, оказался недостаточен. Понадобились специальные распоряжения для отдельных провинций, издававшиеся вплоть до V в. Продолжавшееся бегство колонов вынуждало правительство идти на некоторое облегчение их положения одновременно с усилением борьбы против землевладельцев, принимавших беглецов. Нехватка людей в армии, чиновничьем аппарате и т. д. лишала правительственные распоряжения последовательности. В V в. государство находилось в глубоком кризисе.

Выступления в прениях сосредоточились в основном вокруг доклада С. Л. Утченко о социальной структуре античного общества. Выступавшие отмечали интересную постановку проблемы и высказали ряд замечаний, связанных с вопросами, затронуты-

ми в докладе. *А. С. Шофман* (Казань) высказывает мнение, что нечеткость классовой структуры в древних обществах вызывалась различными условиями распада родового строя и образования государственности (так, говорит он, в докладе Ф. М. Нечая было показано, как в процессе исторического развития изменялось самое понятие патриция и плебея). *Г. Ф. Ильин* (Москва) считает необходимым «рассматривать явления таковыми, какими они были в древности и как сами древние к этому относились» (так, древние видели в илотах рабов, не считали рабов сословием и т. п.). *Ф. М. Нечай*, подчеркнув рабовладельческий характер античного общества, отметил, что при этом «внутренне вся история развивается на почве неравенства среди свободного населения». *В. Т. Сиротенко* (Пермь) говорит о многочисленных фракциях или группировках в среде господствующего класса Римской империи в IV в., но полагает, что для этого времени трудно говорить о сословиях. *И. Д. Амусин* (Ленинград) отмечает, что древность знала «и такие социальные движения, которые не только декларировали свое неприятие рабства, но пытались осуществить отказ от рабства на деле». Таким движением он считает ессеев I в. до н. э. (в Палестине, Египте и, возможно, Малой Азии), вопрос о них особенно важен ввиду их роли в возникновении христианства. *М. М. Слонимский* (Липецк) считает, что для выяснения содержания понятия «рабовладелец» важен вопрос о коллективном рабовладении, он же говорит о некоторых параллелях между рабовладельческим и капиталистическим обществом. *Н. Х. Юдикис* (Вологда) считает нужным при рассмотрении социальной структуры общества учитывать уровень развития общественной формации, а также делает некоторые замечания о проблеме собственности в античности. *С. Л. Утченко*, отвечая на замечания, подчеркнул, что в докладе хотел не решить, но лишь поставить сложный и достаточно широкий вопрос. Вместе с тем, он отметил, что, оперируя неизвестными древности понятиями, такими, как «класс», «формация» и т. п., современная наука в собственных категориях расшифровывает материал источников.

Из замечаний по другим докладам отметим здесь некоторые. *Г. Ф. Ильин*, возражая Т. Д. Златковской, говорил, что, если в домашнем хозяйстве преобладал труд рабов, то общество должно считаться рабовладельческим. *И. Д. Амусин* (Ленинград), указав на существенность выводов в докладе И. П. Вейнберга, пытается уточнить понимание анализируемых им терминов (*ἀχυζᾱ* — абстрактное понятие собственности, *нахалā* — унаследованная земля). Он положительно оценивает также доклады А. И. Павловской, И. С. Свенцицкой, Т. Д. Златковской. *Ю. К. Колосовская* (Москва) отметила, что наблюдения, сделанные в докладе И. С. Свенцицкой, характерны не только для Малой Азии, но вообще для развития города в Римской империи, и высказала несколько конкретных замечаний по докладу. Полемизировал с И. С. Свенцицкой и *И. Ш. Шифман* (Ленинград). *В. Т. Сиротенко* сделал несколько замечаний по докладам А. Р. Корсунского и Н. Х. Юдикиса.

28 мая на конференции обсуждалась проблема «Политическое равновесие и международные связи в античном мире». Утреннее заседание открылось докладом *А. Г. Бокщанина* (Москва) «Проблема политического равновесия в международной жизни государств средиземноморского мира». Докладчик говорит о неправомерности изолированного рассмотрения отдельных областей античного Средиземноморья. Он указывает на локальные межгосударственные связи в середине I тыс. до н. э., на роль колонизации, амфиктионий, на отношения между греческими полисами и возникающей персидской державой и т. д. К III в. до н. э. из роста связей складывается система связанных между собою государств («политический концерт», по выражению докладчика). Сюда входят: державы Лагидов (включавшая не только Египет) и Селевкидов, Пергам (отколовшийся от Селевкидов), Каппадокия и Понт, Македония, Сицилийская держава, Римская и Италийская конфедерации, Карфаген, государства Западного Средиземноморья, античного «Дальнего Востока» (Ирана и Средней Азии) и т. д. Войны приобретают характер столкновения коалиций. В сложившейся системе существовали узлы противоречий — районы, где постоянно сталкивались интересы эллинистических держав (Эгейское море и Эллада, Финикия, Сицилия). Это приводит к установлению постоянных связей между государствами, нуждавшимися во взаимной поддержке — к системе блоков, приводящей к известному политическому равновесию. Идея такого равновесия отразилась в труде Полибия с его концепцией всемирной истории, истории как целого. Забота о поддержании «политического равновесия» отражается и в практической политике отдельных держав. К концу II в. до н. э. охарактеризованная политическая система распадается (крушение державы Селевкидов, изменение римской политики, быстрое — но недолгое — усиление второстепенных ранее государств, таких, как Понт) и постепенно складывается новая, основанная на «политическом дуализме» римской и парфянской держав в Западной Евразии в первые века н. э.

Д. В. Шелов (Москва) прочитал доклад «Из истории международных отношений. Филипп II и Атей». Докладчик считает поход Филиппа II против скифов царя Атея (в 339 г. до. н. э., перед битвой при Херонее) важным событием в международной истории античного мира. Скифская держава Атея простиралась от Азовского моря до Добруджи (ко времени столкновения с Филиппом скифы Атея утвердились на землях

к югу от Дуная). До столкновения (в котором скифы потерпели поражение и Атей погиб) Филипп поддерживал с Атеем регулярные дипломатические связи. Держава Атея была потенциальной угрозой для македонского господства на севере Балканского полуострова, и поход Филиппа был призван устранить эту угрозу накануне решительного натиска на Грецию. Греческие города западночерноморского побережья, вопреки обычному мнению, не выступали против скифов во время этих событий, но занимали скорее антимакедонские позиции.

А. И. Харсекин (Минск) выступил с докладом «Проблема этрусско-карфагенских отношений в свете новых эпиграфических данных»[4]. 14

Тема доклада, прочитанного *Л. Н. Казамановой* (Москва) — «Международные связи Крита в конце III — начале II в. до н. э.». Анализ литературных и эпиграфических источников приводит докладчика к выводу, что внутренняя жизнь острова была тесно связана с демократической деятельностью Клеомена, а затем Набиса, а также осложнялась внешнеполитическими событиями. Укрепление торговых связей с полисами Греции и эллинистическими государствами способствовало развитию частнособственнических и товарно-денежных отношений. Острая социальная борьба за Крит в конце III в. до н. э. была проявлением кризиса полисного строя, так же как развитие наемничества и пиратства или бесплодная борьба городов за гегемонию. После битвы при Селассии критские полисы были втянуты почти во все конфликты эллинистического мира, придерживаясь (в зависимости от экономических и политических интересов) различной ориентации. Тесные связи городов Крита со Спартой при Набисе вызывают вмешательство войск Ахейского союза (опорой которым служили аристократические полисы Крита).

В докладе *Э. Д. Фролова* (Ленинград) «Монархическая идея у Исократа» рассматривается обращение греческого оратора к теме монархии. Эволюция взглядов Исократа определялась критическим отношением к афинской демократии (позднее — ее неприятием), растущим разочарованием в возможностях полиса вообще (в том числе и олигархического), интересом к сильной личности. Докладчик прослеживает развитие интереса к монархии у Исократа (пытавшегося связать традиционную аристократическую доктрину с монархией). С наибольшей полнотой портрет идеального правителя-монарха обрисован в речи «Эвагор». Что до взглядов Исократа на социальную роль монархии, то они были абстрактными и расплывчатыми. Преимущественно его интересовали возможности использования уже существующих монархических режимов для осуществления внешнеполитических панэллинских задач. Монарху отводилась роль благодетеля эллинов, вождя-инициатора, но не самовластного царя. Для Исократа (как и для Ксенофонта и других предшественников эллинизма) монархизм не стал всеобъемлющей доктриной, исключающей идею свободного и автономного полиса. 15

А. С. Шофман (Казань) выступил с докладом «Эволюция идеи мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского». Докладчик показал, что среди историков нет единства мнений по вопросам о мародержавнических планах Александра, о времени их возникновения, об их эволюции. Анализ источников позволяет заключить, что в первоначальной программе восточных походов идея завоевания мира отсутствовала — Александр выступал с филэллинской программой, маскируя ею захватнические планы. После завоевания персидского царства власть Александра над Македонией и господство над Азией какое-то время еще разделялись. Характерно, что Александр не узурпировал ахеменидский титул «царя царей», пытался возможно дольше держаться за титул гегемона Ахейского союза. Возникающие мародержавнические устремления Александра с самого начала приходят в противоречие с интересами македонской армии. Пребывание в Средней Азии, поход в Индию расширили круг представлений Александра и оформили его идею владычества над миром. Были определены границы, которых предстояло достигнуть, исследовать, закрепить. Смерть царя положила конец несбыточным планам, с которыми преемники поспешили порвать. 16

Прения по докладам заняли значительную часть вечернего заседания 28 января. Доклад А. Г. Бокщанина получил положительную оценку в выступлении *Т. В. Блаватской* (Москва). Докладчик, по ее словам, дал полную картину «той сложной дипломатической деятельности..., тех международных конфликтов и комбинаций, которые имели место в международной практике античного Средиземноморья во II и III вв.». Сходную оценку доклада дали в своих выступлениях *А. С. Шофман* и *М. М. Слонимский*, который говорил о желательности исследовать и экономическую основу «мировой системы рабовладельческого общества». *Ф. М. Нечай*, напротив, считает понятие «средиземноморской системы» недостаточно ясным (идет ли речь о системе союзов или о чем-то другом?). Выступавший по другому вопросу (о проекте программы по древней истории для вузов) *В. Н. Андреев* (Ленинград) подчеркнул (не имея, впрочем, в виду специально период, очерченный в докладе), что, по его мнению, «трудно согласиться с тем, чтобы древний мир представлял собой систему государств». Выступление *Р. М. Рахмановой* (Ташкент), посвященное вопросу о международных

---

[4] Доклад опубликован в ВДИ, 1969, № 1.

связях в Средней Азии в античный период, имело целью дополнить приведенный в докладе материал.

Из выводов А. Г. Бокщанина исходил в своем выступлении и *А. И. Немировский* (Воронеж), указавший на важность эпизода, которому был посвящен доклад Д. Б. Шелова. Несколько полемических замечаний *И. Ш. Шифмана* по докладу А. И. Харсекина были связаны с интерпретацией финикийских надписей. Так, надпись из Норы, полагает И. Ш. Шифман, вообще не поддается убедительному истолкованию, слово *бод* в надписи из Пирг допускает и иное, нежели дано в докладе, понимание. В целом же эта надпись, свидетельствуя об огромном культурном влиянии Карфагена на этрусков, вряд ли говорит об их неравноправном по отношению к Карфагену положении. *А. И. Немировский* и сам докладчик указали, что вывод этот опирается в первую очередь на данные иных источников.

Т. В. Блаватская отметила в своем выступлении и доклад Л. Н. Казамановой, показавшей жизнеспособность полисных традиций, которые в III—II вв. до н. э. могли порою играть важную роль. О докладе Э. Д. Фролова говорили *А. С. Шофман* и подробнее *Л. М. Глускина*, указавшая на непоследовательность «монархизма» Исократа, который и в монархии вообще, и в Македонском государстве видел лишь средство разрешения стоявших перед Грецией трудностей; что же касается критики афинских порядков у Исократа, то она объясняется не только его антидемократическими взглядами, но и упадком афинской демократии (здесь интересно было бы сопоставить взгляды Исократа и Демосфена). Касаясь доклада А. С. Шофмана, *М. М. Слонимский* находит, что докладчик модернизирует образ Александра Македонского, приписывая ему «далекие политические расчеты, вплоть до завоевания мирового господства». Напротив того, *А. И. Немировский* считает убедительным вывод докладчика о постепенном возникновении идеи мирового господства по ходу завоеваний Александра. *Ф. М. Нечай* в своем выступлении затронул вопрос об идеологии и политических позициях сил, оппозиционных Александру и его планам.

На том же заседании *А. Г. Бокщанин* выступил с сообщением об основных принципах построения проекта новой программы по древней истории для вузов, подготовленного комиссией при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР. Последовавшее обсуждение сосредоточилось вокруг вопроса о синхронном построении курса древней истории (взамен нынешнего — по разделам). Мнение докладчика о научной обоснованности и целесообразности такого построения поддержали *В. Д. Блаватский* (Москва), высказавший несколько конкретных пожеланий, *Н. А. Шахназарян* (Ереван) и *М. М. Слонимский*, который в этой связи говорил о необходимости разработки вопросов периодизации древней истории. Другие выступавшие, приводя различные основания, возражали против предложенного построения программы. *Д. П. Каллистов* (Ленинград) считает, что принцип этот противоречит развивающейся дифференциации науки и передаст составление учебников «из рук специалистов в руки компиляторов». *А. И. Болтунова* (Москва) и *В. Н. Андреев* говорили о том, что исторические процессы в древности развивались не синхронно. *Л. М. Глускина* критиковала проект с точки зрения реальных возможностей преподавателя (при ограниченном числе учебных часов) и студента. *И. Д. Амусин*, присоединившись к критикам проекта, предложил проверить применимость программы в ходе педагогического эксперимента, сначала в одном вузе. По предложению *С. Л. Утченко* было принято решение о желательности широкого обсуждения проекта новой учебной программы.

Утреннее заседание 29 мая было посвящено обсуждению темы «Варварский мир, его роль в развитии и крушении античного общества». Первым выступил *В. Т. Сиротенко* (Пермь) с докладом «Борьба народных масс Римской империи IV—V вв. против варваров и ее прогрессивное значение». Тема эта, по мнению докладчика, мало освещена из-за господства «теории союза римлян и варваров», заимствованной от христианских апологетов и римских историков. Достигнутый в Римской империи уровень развития производительных сил сделал невыгодным применение труда военнопленных-варваров, необученных и неинициативных. Рабочая сила стала пополняться за счет внутренних людских ресурсов, варвары же оказались подходящим материалом для комплектования римской армии и карательных отрядов. В IV—V вв. варварские кавалерийские отряды стали основной ударной силой Империи. Вместе с тем со второй половины IV в. началось всеобщее наступление усилившихся соседей-варваров (хотя они воевали и друг с другом) на Империю. Войны и набеги варваров IV—V вв. были несправедливыми, грабительскими, захватническими и несли народным массам не освобождение от рабства, а порабощение. Народные массы — рабы и колоны, свободные ремесленники и коллегиаты, городской плебс в целом — не только не оказали поддержки варварам (случаи перехода на их сторону были единичны), но и непрерывно вели борьбу против них. Докладчик приводит примеры (из истории конца IV — начала V в.), которые должны показать, что участие народных масс в борьбе позволяло оказывать успешный отпор варварам. Но в то же время Римская империя часто обращается к варварам за помощью, призывая их для подавления народных масс или сепара-

тистских группировок знати. Последние тоже искали поддержки у варваров, открывая им дорогу внутрь страны. Борьба народных масс заставляла варваров отказаться от планов их порабощения и переходить к оседлому земледелию, способствовала ликвидации наиболее вредных пережитков рабства и варварства.

В другом — историографическом — аспекте та же тема была рассмотрена в докладе *В. Д. Нероновой* (Пермь) «Исследование роли варваров в падении Западной Римской империи в советской историографии». Докладчик характеризует основные этапы разработки проблемы в связи с общим развитием советской исторической науки и намечает направления для дальнейшего исследования.

Л. А. Ельницкий (Москва) выступил с докладом «К истории взаимоотношений греческих северочерноморских колоний со скифами». Докладчик отвергает установившееся в науке мнение о независимости греческих колоний Северного Причерноморья как основанное, по его мнению, преимущественно на априорных соображениях. Для западнопонтийских колоний, говорит докладчик, есть точные свидетельства о зависимости их от одрисских царей. Сообщаемая Геродотом легенда о царе Скиле и, в особенности, упоминание скифского наместника (эпитропа) в Ольвии, заставляет отвергнуть представление об Ольвии как о независимом от скифов полисе. Херсонесская присяга содержит прямые указания на то, что Херсонес подчинялся скифскому управителю (састару). Боспор представлял собой греко-скифское культурное образование, в котором греки обладали некоторыми льготами, но вряд ли пользовались самоуправлением. В эпоху Римской империи включенные в нее или вассальные ей северочерноморские греческие общины пытались, при поддержке римских военных сил, противопоставить себя степному кочевническому миру.

Доклад *М. П. Инадзе* (Тбилиси) «О некоторых общих чертах развития городов Причерноморья в античную эпоху» был посвящен общим явлениям в развитии городов Колхиды (хотя здесь оно приняло своеобразный характер, обусловленный наличием более высокоразвитой социально-политической среды и иными обстоятельствами) и других областей Причерноморья. Эти общие явления объясняются экономическими связями причерноморских городов, наличием греческого элемента и контактом с греческим миром. Сходство исторических судеб этих городов становится особенно сильным с IV в. до н. э. (и еще более — в эллинистическую эпоху), выражаясь в подъеме городской жизни, развитии торговли и ремесел, расширении монетного обращения и т. д. С позднеэллинистического времени общность исторических судеб причерноморских городов определялась и таким политическим фактором, как их подчинение власти Митридата, а затем Рима. Римско-понтийские войны и назревший социально-экономический кризис в городах Причерноморья приводят их к временному упадку.

Ю. С. Крушкол (Москва) ознакомила собравшихся с докладом «Проблема синдского государства». Тезис о существовании государства у синдов был выдвинут В. И. Мошинской (1946), противоположную точку зрения сформулировал Д. П. Каллистов (1949). Докладчик рассматривает свидетельства источников — письменных, нумизматических, эпиграфических — о синдах и показывает, что они не могут дать убедительных доказательств существования синдского государства (так как допускают и иное понимание). Такое доказательство, по мнению докладчика, могут предоставить данные археологии. Археологическое исследование больших синдских городищ (Семибратнее и ст. Раевской) показало, что еще с V в. до н. э. это были местные города с высокоразвитыми ремеслами и торговлей. Столь высокий экономический уровень показывает, что синды с V в. до н. э. стояли уже на ступени развития классового общества.

А. М. Ременников (Казань) прочитал доклад «Военное искусство племен Подунавья в эпоху их борьбы с Римской империей (III—V вв. до н. э.)». Докладчик коснулся вопроса о составе и численности племен, вторгавшихся на протяжении двух веков на территорию Империи, показал основные направления вторжений. Подробно были рассмотрены вопросы об организации войска у варваров, о формах вторжений и военной тактике подунайских племен. Борьба с Римом, заключает докладчик, стала серьезным испытанием военного искусства варваров Подунавья. Первый период войн длился около ста лет (230-е — 330-е гг.). После короткой передышки варвары возобновили свой натиск, приведший к их исторической победе в битве при Адрианополе.

Доклад *Б. Б. Маргулес* (Гродно) «Идеологические формы борьбы народов Египта и Северной Африки с Римом в III—IV вв.» был посвящен анализу оппозиционных ортодоксальной церкви течений (гностицизм, монтанизм, донатизм). Докладчик отвергает мнение исследователей, считающих социальной основой гностицизма высшие слои населения и присоединяется к тем, кто полагает, что идеи гностиков, возникшие в городских центрах, нашли распространение среди крестьянского населения Египта и выразили, хотя и пассивный, протест угнетенных масс. Монтанизм и донатизм (в противоположность гностицизму) имеют общую с ортодоксальным христианством догматическую основу, но их сторонники вступают на путь политической борьбы против Римского государства и союзной с ним церкви (донатисты используют в этой борьбе активное движение народных масс). Хотя религиозная оболочка классовой борьбы была ее тормозом, тем не менее идеологическая, так же как и политическая, борьба народных

масс против Римского государства и союза церкви с государством сыграла определенную роль в предпосылках и самом ходе социальной революции.

В прениях много критических замечаний (подчас весьма резких) вызвал доклад В. Т. Сиротенко. Его концепция, по выражению А. Г. Бокщанина, «выходит далеко за те пределы, которые дают нам источники». Точно так же *Ю. К. Колосовская* считает, что доклад «совершенно не остается на исторической почве», обращение с источниками в нем «чрезвычайно вольное, чтобы не сказать сильнее». А. Г. Бокщанин и Ю. К. Колосовская приводят в подтверждение своей точки зрения конкретные примеры. *Г. Л. Курбатов* (Ленинград) указывает на то, что, хотя некоторые суждения о союзе народных масс с варварами и нуждаются в частичном пересмотре, весь вопрос не может рассматриваться в аспекте только истории войн. Необходимо учитывать и внутреннее развитие Империи и развитие (социально-экономическое и политическое) самих варваров. О том же говорил и *Н. Х. Юдикис*. К критикам доклада присоединился *Н. И. Сокольский* (Москва). *А. М. Ременников* (который использовал для полемики с В. Т. Сиротенко заключительное слово по своему докладу) считает, что история отношений варваров и Рима должна рассматриваться как единый процесс в самых широких хронологических рамках (начиная с римских завоеваний II в. н. э.) с точки зрения всего племенного мира (не ограничиваясь германскими племенами, но, учитывая роль и арабских племен, и британцев, и сарматов, и аланов, и славян и т. д.). Несоблюдение этого требования ведет к искажению исторической перспективы.

Полемическими были и выступления по докладу Л. А. Ельницкого. *Н. И. Сокольский* утверждает, что факты, на которые опирается докладчик, могут говорить лишь о моментах временного подчинения греческих городов скифам, и спорит с докладчиком по поводу термина «састер» (полагая, что речь идет о каком-то месте, не о лице и не о должности). По мнению *Ю. С. Крушкол*, построения докладчика опровергаются данными нумизматики. *А. И. Болтунова* считает, что источники подобраны докладчиком выборочно, и потому рисуемая им картина лишена убедительности. А. И. Болтунова полемизирует также с М. П. Инадзе, указывая на априорность некоторых ее утверждений об особенно высоком уровне развития Восточного Причерноморья и (ссылаясь на более осторожные суждения Г. А. Меликишвили) о Колхидском царстве. С замечаниями по докладу Б. Б. Маргулес выступили *Б. В. Горнунг* (Москва), который изложил результаты своих исследований по истории ранней церкви, расходящиеся с некоторыми тезисами докладчика, и *М. К. Трофимова*, поддержавшая мысль докладчика об отсутствии прямой связи между гностическими идеями и тем социальным содержанием, которое могло в них вкладываться. Доклады В. Д. Нероновой и А. М. Ременникова нашли сочувственную оценку в выступлении *Ю. К. Колосовской*.

На вечернем заседании 29 мая были прочитаны доклады, связанные с проблемой «Эпоха, культура, стиль». Заседание открылось докладом *В. Н. Ярхо* «Преемственность культур и специфика античности»[5]. Отметив, что воздействие античного наследия на европейскую культуру нового времени очевидно, докладчик указывает на опасности, сопряженные с изучением этого — вызывающего сейчас живой интерес — вопроса. Если политические аналогии историков XIX в. или экономическая модернизация историков начала XX в. уже в основном преодолены, то в объяснении явлений духовной культуры еще нередко исходят из эстетических и нравственных норм, естественных для нас, но не свойственных периоду расцвета героического эпоса или афинской трагедии V в. до н. э. В этой связи докладчик останавливается на трех аспектах духовного мира греков VIII—V вв. до н. э. *1*. Взаимоотношения индивидуума и государства. Наиболее подробно этот вопрос был рассмотрен на примере «Антигоны» Софокла. Вопреки распространенному мнению, конфликт здесь — не между государством и семьей, законом и природой, но «между естественным, божественным и потому подлинно государственным законом и индивидуумом, берущим на себя смелость представлять государство в о п р е к и естественному и божественному закону». Нравственный долг человека здесь тождествен законам существования мира. Перенесение сюжета «Антигоны» в современность (Ж. Ануйль) влечет за собой подмену конфликта, изменение всех характеров, ситуаций, мотивировок. *2*. Ответственность человека и оценка его поведения. Для греческого нравственного сознания важны не субъективные намерения, а объективный результат. Ἁμαρτία — не грех, но ошибка. Поэтому понятие «трагической вины» неприложимо к греческой трагедии. *3*. Изображение внутреннего мира человека. По мнению докладчика, понятие совести почти не привлекало греческих трагиков (как и эпическую поэзию) — ни Эсхил, ни Софокл не видят в своих героях внутреннего (пусть временного) раздвоения личности — психологической предпосылки нравственного феномена совести. Любовное чувство, страсть — для греческих трагиков — всегда губительное наваждение, безумие. Итак, заключает докладчик, специ-

[5] Предусмотренный программой в качестве основного по упомянутой проблеме доклад А. А. Белецкого (Киев) «Терминология и терминотворчество в исторической науке. (Понятия „эпоха", „культура", „стиль" в древности и в современной историографии)» не состоялся из-за отсутствия докладчика.

фичность греческого эпоса и драмы в указанных аспектах изображения человека не должна быть упускаема из виду перед лицом общечеловеческого содержания, обеспечившего эллинскому наследию его место в новой европейской культуре.

М. М. Слонимский (Липецк) прочитал доклад «К вопросу об определении понятия „эпоха древней истории“». Историки, говорит докладчик, определяют содержание этого понятия и охватываемое им время. Историки-марксисты кладут в основу периодизации всемирной истории принцип смены социально-экономических формаций, но просто отождествлять древнюю историю с историей рабовладельческой формации нельзя. Неравномерность исторического развития определяет условность граней эпох всемирной истории. Древняя история включает в себя историю как первых классовых обществ (они господствовали на ограниченной территории, но определяли ход исторического развития) Азии, Африки и Европы, так и сосуществовавших с ними первобытных обществ. Вопрос об общественном строе стран древнего Востока дискутируется среди историков-марксистов, рабовладельческий характер античных обществ общепризнан. Нижняя хронологическая граница эпохи древней истории устанавливается приблизительно — III тыс. до н. э. При решении вопроса о рубеже между древним миром и средними веками надо учитывать гибель старых цивилизаций и выдвижение на историческую арену народов, социально-экономическое развитие которых идет по новому пути.

Н. С. Гринбаум (Кишинев) предложил вниманию собравшихся доклад «Язык Пиндара и надписи Египта». В грекоязычном эпиграфическом и особенно папирологическом материале Египта (начиная с III в. до н. э.) выявлена более значительная, чем в Аттике, группа «Пиндаровых» слов — существительных, прилагательных и глаголов. Многие из них не встречаются в гомеровских поэмах. Наличие столь большого лексического слоя Пиндарова языка в египетских памятниках не может быть случайным. Видимо, в Египте на протяжении столетий сохранялась языковая среда, удержавшая традиции (во многом уже утерянные в материковой Греции) древнейшего греческого литературного языка, истоками которого питался в свое время и язык хоровой лирики.

Представленное на конференцию сообщение *А. И. Немировского* (Воронеж) «Божества священной рощи, по данным надписи из Агноны (III в. до н. э.)» не было прочитано из-за болезни докладчика.

Доклад *М. Е. Грабарь-Пассек* «„Жизнь Апполония Тианского“ Филострата и идеологические течения при Северах (конец II — начало III в. до н. э.)» был посвящен единственному дошедшему до нас языческому «житию». С какою целью было оно написано через сто с лишним лет после смерти Аполлония? Одни считают это сочинение полемическим и антихристианским, другие связывают его с попыткой Юлии Домны распространить неопифагорейство в качестве единого религиозно-философского языческого учения. Докладчик отмечает, что наименьшее внимание Филострат уделил философии пифагорейства, выдвигая на первый план морально-политическую его сторону, равно как и религиозно-мистический элемент. Ясно видны в «Жизни Аполлония» и две политические тенденции: чисто греческий патриотизм и ненависть к тирании. Возможно, Филострат, не закончив книгу до смерти Юлии Домны, пережив правления Каракаллы и Элагабала, стремился внушить отвращение к тирании младшему отпрыску Северов — Александру, что ему и удалось. Но в широком масштабе цели Филострата и Юлии Домны оказались недостижимы. Впоследствии образ Аполлония (но не как мудреца и аскета, а как всемогущего волшебника) вошел в византийскую литературу.

Л. А. Фрейберг (Москва) выступила с докладом «„Речь в защиту мимов“ Хорикия (VI в. н. э.)». Жизнь и деятельность Хорикия, говорит докладчик, связана с риторской школой Газы. Еще в V—VI вв. эта школа жила античными традициями. Творчество Хорикия разнообразно и по жанрам, и по идеологической направленности. Его наследие включает похвальные речи, декламации и морально-психологические этюды. «Речь в защиту мимов», произнесенная (или предназначенная для произнесения) в городском театре Газы, занимает в творчестве Хорикия особое место. Она интересна как памятник состояния эллинского театра в V—VI вв., как произведение, развивающее основные положения теории мимесиса, и как полемическое произведение, содержащее ответ на осуждение светского театра Иоанном Златоустом.

Открывший прения *С. И. Радциг* (Москва) сделал несколько замечаний по докладу В. Н. Ярхо. Тема доклада, с его точки зрения, недостаточно определенна. Если говорить об античных влияниях в литературе нового времени, то надо было бы упомянуть и Лессинга, и Шиллера, и многих других. С. И. Радциг указывает на то, что и в древности тот же самый мотив или мифологический сюжет мог за один-два десятка лет приобрести новый смысл, новое значение, поэтому толкование образов античной литературы надо вести с точки зрения конкретного исторического момента. Обращаясь к «Антигоне» Софокла, С. И. Радциг говорил о Креонте как об образе тирана и об отзвуках родовых отношений в трагедии. С. И. Радциг соглашается с пониманием ἁμαρτία в докладе. *Г. С. Кнабе* (Москва) говорит о том, что в докладе не было сопоставления античности и современности как двух синхронных систем. Современность в докладе «аморфно тянется» через Шекспира и Шиллера к Ануйлю. Между тем, сейчас можно

наблюдать неведомое со времени рубежа XVIII—XIX вв. обращение к античным сюжетам, античной тематике, античному представлению о человеке и мире (в частности, в современном кино и театре), широчайшее использование мифа. Все это столь же интересно и существенно, как и явления контрастные, специфические для каждой из этих систем, и должно рассматриваться в общей связи.

С большим интересом был выслушан доклад М. Е. Грабарь-Пассек. Выступая по этому докладу, *С. И. Радциг* говорил о фантастическом элементе в биографии Аполлония Тианского, связывая этот элемент со сказаниями о подвигах Александра Македонского. Касаясь жанровой принадлежности сочинения Филострата, С. И. Радциг отнес его к позднегреческому роману, который послужил основой для создания более чем 70 житий. Об интересе, какой вызывает сейчас позднеантичная литература, упомянул (в связи с докладами М. Е. Грабарь-Пассек и Л. А. Фрейберг) *В. Т. Сиротенко*. Доклад Н. С. Гринбаума был сочувственно принят выступавшими, которые высказали и критические замечания. Так, *С. И. Радциг* отметил некоторую односторонность проявившегося в докладе подхода, когда вся история греческого языка рассматривается с точки зрения языка Пиндара (докладчик, отвечая, пояснил, что он лишь полемизирует против преувеличения влияния Гомера на формирование языка и «отстаивает права Пиндара на восхождение не к Гомеру, а к более древним источникам, общим Гомеру и хоровой лирике»). С. И. Радциг указал также на разницу фаз развития греческого языка аттических и египетских надписей (сравниваемых в докладе) и на различие между поэтическим языком и языком прозы. *В. Н. Ярхо* говорит о том, что некоторые слова, общие Пиндару и надписям, имеют в этих двух источниках различную семантическую окраску. Доклад М. М. Слонимского вызвал некоторые конкретные замечания *Т. В. Блаватской* и *В. Т. Сиротенко*.

Утреннее заседание 30 мая открылось информационным сообщением *Ю. К. Колосовской* о работе «Вестника древней истории».

Затем были предоставлены заключительные слова докладчикам, выступавшим на утреннем заседании 29 мая. *В. Т. Сиротенко*, *Б. Б. Маргулес*, *Л. А. Ельницкий*, *М. П. Инадзе* отвечали на критические замечания. Заключительное слово *А. М. Ременникова* было по существу (как уже говорилось) выступлением по докладу В. Т. Сиротенко.

В заключение заседания собравшиеся выслушали обстоятельные сообщения с мест о научно-исследовательской и преподавательской работе в области древней истории. На заседании выступили *Т. Ф. Пиленкова* (Башкирский гос. ун-т), *Н. Б. Бреговская* (Кишиневский гос. ун-т), *Р. М. Рахманова* (Ташкентский гос. ун-т), *Т. В. Прушакевич* (ЛГУ), *Н. М. Елизарова* (Саратовский гос. ун-т), *А. М. Ременников* (Казанский гос. ун-т и пед. ин-т), *В. Т. Сиротенко* (Пермский гос. ун-т), *Н. Х. Юдикис* (Вологодский гос. пед. ин-т), *Ф. М. Нечай* (Белорусский гос. ун-т).

На вечернем заседании 30 мая выступил председатель Национального комитета советских историков *А. А. Губер*, который ознакомил собравшихся с программой работ Международного конгресса историков, который предполагается провести в Москве в 1970 г. А. А. Губер охарактеризовал проблематику запланированных докладов, рассказал о плане работы секции древней истории и остановился на организационных вопросах. В заключение своего сообщения А. А. Губер говорил о задачах, которые ставит перед советскими историками подготовка к конгрессу. Затем А. А. Губер ответил на вопросы.

С аналогичным сообщением о Международном конгрессе по экономической истории, намеченном на тот же 1970 г. в Ленинграде, выступил *И. М. Дьяконов*.

С. Л. Утченко информирует собравшихся о ближайшей встрече ученых-антиковедов социалистических стран — очередном конгрессе Эйрене (Варшава, октябрь 1968 г.).

На заседании был избран постоянный организационный комитет (председатель С. Л. Утченко) для регулярного проведения всесоюзных конференций по вопросам античности.

Закрывая заседание, С. Л. Утченко от имени организаторов конференции благодарит всех принявших участие в ее работе.

В. С.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ISOCRATIS

ORATIONES

ИСОКРАТ

ПИСЬМА

*

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ

К. М. КОЛОБОВОЙ

(Окончание)